

Памятник внутри нас

с. 16

Прошли уже тёмные времена, когда назвать здание памятником архитектуры было достаточно, чтобы слыть культурным человеком. Нынче этого уже мало, и высшим классом считается интеллектуальное усилие, посредством которого большинство заинтересованных лиц пришло к представлению, что памятником архитектуры должно считать комплекс зданий или здание с окружающей пейзажной зоной, или даже целый город. Это, конечно, хорошо — беда лишь в том, что между представлениями такого рода качественного различия обнаружить не удаётся. И в том, и в другом случае памятником называется известная материально-пространственная система, взятая предметно, как она есть. Остаётся присоединиться к этому мнению в той его части, что существование такого материально-пространственного объекта является необходимым, хотя и явно недостаточным условием для того, чтобы возник феномен под названием «памятник». Уже говорилось о том, что памятник — это прежде всего особое отношение к такого рода объекту, и оно, это отношение, либо возникает, либо не возникает: то есть здание может стоять, но оно может при этом памятником так и не стать — по крайней мере для значительной части людей. А, наверное, не нужно доказывать, что если у значительной части людей такого отношения не возникло, то и физическое существование не превратившегося в *памятник для всех* здания или комплекса становится под вопрос. Ведь и отреставрированное сооружение не так уж сложно привести к прежнему состоянию (примеры есть) или к отсутствию состояния (примеры тоже есть).

Иногда создаётся впечатление (обманчивое), что отсутствие непредвзятой наблюдательности является главным недостатком профессионального мышления людей, практически решающих проблемы реконструкции, проектирования нового в старом, сохранения старого. Будто бы и нет другого типа восприятия объекта, признаваемого памятником, кроме пробуждения потока ассоциаций (поэтическое восприятие), пробуждения интеллектуального переживания (натурфилософское) или пробуждения резервов памяти, или — пересмотра ценностного ряда (эстетическое или другое профессиональное). Всё это, к счастью, есть — но неправда, что есть только это.

Есть ещё изображение (не обязательно для других, для себя тоже) всех перечисленных типов вместе или по отдельности — специфическое лицедейство, характеризующее современный снобизм во всей его масштабности. Есть ещё особое восприятие, не получившее до сих пор чёткого определения, — внешне (и внутренне — для самого участника действия) оно может определяться как угодно; по сути это потребительское восприятие особого рода, когда создаётся иллюзия приобщения к более или менее общепризнанной культурной норме через совершенно особую операцию сознания, которую можно назвать *опознанием* или *присвоением*. Именно в этой системе построена вся разросшаяся механика массовой работы в интересной области общественного бытия, которая называется экскурсионным делом.

Восприятие памятника культуры *один на один* — действительное, индивидуальное переживание, связанное с фактом встречи, требует уровня культуры, которым обладали и обладают немногие. Но массовую культуру создают многие, и эти многие, стремясь к встрече с переживанием, — находят его, но уже сообщая, предельно похоже. Настолько похоже, что характер переживания оказывается возможным предвидеть — это предвидение совершается повсеместно и постоянно не какими-нибудь капитанами зарубежной рекламы, а большинством экскурсоводов, ведущих тысячи групп по проторённым путям общения с памятниками всякого рода... Естественный отбор, естественные корректировки в процессе постоянного контакта с группами людей приводят к отработке программ таким образом, что экскурсовод, во-первых, точно знает,

*Глазычев, В. Памятник внутри нас / В. Глазычев // *Декоративное искусство СССР*. — 1969. — Февраль. — С. 16—18.

что и в какой форме сказанное вызовет желанное удовлетворение у группы, и во-вторых, знает, какие коррективы необходимо вносить в описание, при заметном отклонении группы от нормы.

Экскурсоводами выработан безотказно действующий метод привлечения внимания к пока ещё не опознанному, чужому, безразличному объекту.

Скала есть скала, рядом много скал, но если эта «играла» в популярном фильме вроде «Человека-амфибии» — всё в порядке, она опознаётся, присваивается как своя, вызывает эмоциональную реакцию. Другая, похожая скала в другом месте Крыма — она осваивается через отнесение к личности — скала Шаляпина. Скала обрастает подробностями: не куплена, подарена, при каких обстоятельствах: пикник бонтонной публики, факелы, бочонок, рыбаки и «вакхическая песнь», обращённая к поднимающемуся из-за Аю-Дага солнцу.

Фонтан как фонтан, и воды мало, и вид жалкий, но Пушкин, но балет с аналогичным названием, но грустная история о девушке, о грусти хана и о скульпторе-полонянце, и фонтан стал очеловеченным, создаётся впечатление, что именно он, фонтан, это впечатление вызвал.

Объект сам по себе не столь уже важен: поскольку природный фетишизм переходит разумные размеры, то один, то другой кипарис в Гурзуфском парке спасается от обдирания «на память» путём элементарного перевешивания таблички с надписью, что его посадил (или что-то другое с ним делал) Пушкин. И так далее — право же, конкретность примера не имеет значения. Так происходит везде — и в картинной галерее, и в Новгородском кремле. Так не происходит только в местах величайших святынь, потому что они и стали величайшими, потому что вызывают у всех (а не у многих) однородную эмоциональную реакцию и без этой однородности превратились бы мгновенно в звук пустой.

Везде и всюду разные детали, разные приёмы, средства одни и те же — присвоение, опознание объекта, превращение его в ценность для себя происходит или через популярную поэзию, или через популярную историческую личность, или через популярную личность дня сегодняшнего, или через воображаемую личность — например, прелестные новеллы о херсонесской семье, рассказываемые экскурсоводом перед макетом дома из Ольвии.

с. 17 Всё это реальность, но лишь часть реальности — это ситуация досуга, в которой человек, вырванный из своей обычной среды, читает всё в поисках источника ориентации, слушает всё в поисках источника ориентации — как отнестись к окружающим его чужим объектам, зная, как правило, что к ним надо как-то относиться. Делают грубейшую ошибку те, кто считает достаточным показать, доказать, убедить, что Кижы, например, — это памятник, чтобы и все остальные «кижи» воспринимались так же. Так не бывает: в том и особенность популярной культуры, что в ней не возникает связей, что в ней каждый объект должен быть освоен, тем самым присвоен самостоятельно, отдельно, с помощью специальных средств.

Это лишь часть реальности, потому что помимо проблемы эпизодического посещения объектов культуры, при которых происходит временное превращение объекта в памятник, существует проблема его постоянного существования для тех, кто живёт рядом. А для них, в силу естественной способности не замечать то, что не изменяется (выработавшейся тысячелетия назад как защитный рефлекс против перенасыщения информацией), объект культуры существует совершенно особым образом.

Характерное для досуга присвоение осуществляется *вообще многими*, при их весьма относительной дифференциации по группам — восприятие рядом в каждой конкретной ситуации специфично, зависит от множества локальных причин. Эти причины поддаются, конечно, некоторой типологизации, но и становясь характерными, внутренней неповторимости не теряют.

Говорить о памятнике через специфику его узкого восприятия в рамках специализированной гуманитарной образованности — это, в отношении к популярной культуре, пускать в обращение чистый символ. Для того, чтобы этот символ вошёл как ценность в обиход, для того, чтобы он обрёл жизнь, необходима огромная и очень сложная работа. Она включает понимание того, что материальный объект, называемый некоторыми памятником, общезначимым памятником ещё не является, и того, что основывать любое конструктивное действие нужно на знании сути и форм реально существующей популярной культуры с её особыми нормами, и всеобщими, и местными. Уже здесь открывается сложнейшая социально-педагогическая задача превратить любой памятник культуры в ценность для многих.

Живой маленький Переславль. Для приезжего, внешнего человека это прежде всего князь Александр Ярославич, затем флотская наука Петра, кое-кто помнит о роли Переславля в становлении Московской земли, и что там один из старейших соборов, что там ловилась чудо-селёдка, попавшая в городской герб, ну, может, ещё кое-что. Приезжего человека совершенно не интересует сегодняшний городок с его бедами, заботами, радостями и прежде всего надеждами —

потому что население подобных городов живёт в значительной части надеждой на будущую крупную промышленность.

Для человека, живущего в Переславле, его историческое прошлое запрято в глубине памяти; присмотревшиеся следы прошлого привычно не воспринимаются, и идеалом является преобразование на уровень областного центра. Всё это совершенно естественно, но здесь же необходимо согласиться с тем, что для жителей Переславля (для многих) старое не обладает ценностью, просто не обладает ценностью, а значит, и не является памятником культуры. Если «памятник» активно функционирует в любой роли: гаража, склада или библиотеки — он хозяйственно преобразуется по мере надобности; если он никак не используется, то он просто «дом без хозяина», мёртвый дом. И не разрушается полностью этот мёртвый дом не потому, что на нём есть охранная доска (если есть), а лишь потому, что дело это хлопотное и нецелесообразное — связывается со старой кладкой не любят и профессиональные сапёры.

Всё это может восприниматься как печальное явление, но это должно восприниматься как явление естественное, а с естественным явлением никаким внешним волевым актом, с какими бы благими намерениями он ни предпринимается, справиться невозможно. Это не значит, что ситуацию нельзя изменить — изменить можно, осознав естественное явление и найдя способ его преобразования изнутри. Можно и нужно говорить о нездоровом влиянии на психику жильцов холодной механичности новых стандартных жилых блоков, думать над путями преодоления этого давления, но на первом этапе великого переселения для этих жителей эти жилые районы обладают высшей ценностью — проблемы возникают позже.

Новые жилые районы (а в масштабе маленького города и отдельные дома) нарушают масштаб, взрывают точки зрения, уничтожают то, что для немногих (в основном внешних, приезжих) является высшей ценностью города, а для многих (здешних) в данный момент не является.

Есть много причин тому, что объект культуры не становится памятником и сегодняшнее отсутствие ценностного отношения к объекту исторической культуры в значительной степени является естественным, нравится это нам или нет. Отсутствие развитого исторического сознания в нерелигиозной форме до Революции, процесс культурной революции с её необходимейшим отрицанием прошлого в нерасчлнённом (для многих) виде, изменение состава городского населения, его рост и нехватка жилья и удобств; преподавание истории в школе с его феноменальной скудостью учебной программы и нищетой формы изложения и многое другое складываются в отсутствие (у многих) действительного исторического сознания, без которого нет и не может быть общезначимого памятника культуры.

Отсутствие или неразвитость исторического сознания у каждого можно рассматривать как болезнь, которую нужно преодолеть. Есть очень длинный и очень сложный в реализации, поэтому тем более необходимый путь — через историческое воспитание, школьное, дошкольное, внешкольное и всякое другое. Это надо научиться делать, и это даст результаты — через десятилетия.

Есть путь — через вовлечение объекта культуры в круг естественных ценностей популярной культуры — через опознание, через присвоение, через иллюзорное приобщение (в нём есть не только иллюзия), через освоение и потребление памятника как общественной ценности. Тем самым — через зрелищность, через туризм, через приёмы экскурсовода.

Материальный объект культуры может жить множеством жизней одновременно, быть множеством «памятников» одновременно. Можно ли это сделать, ничего не изменяя, исходя из позиции единственности «активно-творческого» восприятия нетронутого памятника? Это немисливо, чем-то приходится жертвовать, но нельзя потерю нетронутости считать бессмысленной жертвой.

Есть позиция, согласно которой всё новое в «зоне воздействия» памятника должно масштабно, зрительно, композиционно подчиниться старому — и это определяется как развитие традиции, хотя по крайней мере половина фактов из истории архитектуры такой традиции не подтверждает. Но по крайней мере возможна иная трактовка традиции: принимать не менее смелые решения, чем предки. А предков в создании нового, создании памятника для будущего могла остановить только святыня — заставить многих считать каждый след истории святыней — это уже профессиональный недуг историков: святыня создаётся историей и чаще всего без их участия.

Пока объект культуры не осознан как ценность в системе популярной культуры, он лишь *полупамятник*, для того, чтобы перевести его в другое состояние, необходимо создать для него «раму», показать его особым образом, вывести его из состояния «дома без хозяина». Рамой может быть всё — самый способ показа и новое кадрирование пространства новой застройкой, и система зрительных коммуникаций, и система обслуживания — своя в каждом

индивидуальном случае (вокруг уникальных объектов психологическая «рама» уже создана их внедрением в популярное сознание, они уже памятники).

Неудачную раму, то что будет сочтено неудачным, можно будет и заменить, а может быть, нужно периодически менять — это уже вопрос частный. Но говорить о том, как это можно сделать в конкретном случае, немисливо — это надо проектировать и обсуждать проекты. Можно говорить лишь о методологических предпосылках.

Стандартный новый киоск во всём блеске своих алюминев и пластиков на улице Вильнюса, старой улице, никому не мешает, а такой же киоск на улице Переславля коробит. Коробит тех, кто стремится увидеть памятник, а киоск этому мешает; и очевидно коробит кого-то из переславльцев, если этот киоск разбивают. Наверное, это происходит ещё и потому, что в старом Вильнюсе хорошего нового много, а в старом Переславле почти ничего и нет. Потому что внешность этого киоска не имеет никакой связи с целостной системой новой стилистики и никакой связи со старой системой, потому что он чуждый и одинокий пришелец, и если в нём (чужом) выбьют и вставят фанеру, то это воспринимается как-то естественно. В Вильнюсе масса нового, пронизывающая массу старого в активном с ней взаимодействии, подчиняет киоск и он становится её естественной частью, а в Переславле — он зрительно сильнее находящегося рядом «памятника», который никто не замечает, потому что к нему все привыкли в его теперешнем состоянии.

И киоски, и кафе, и прочие новые пришельцы на улицах Переславля не вошли ни в новое, ни в старое, и поэтому не образуют системы ориентации, и каждый из них — один.

Мемориальной стеле в Переславле отбили куски — и это воспринимается как-то естественно: она тоже существует сама по себе, в каком-то неведомом времени-пространстве, она чужая. Чтобы старое воспринималось как ценность, нужно чтобы оно вошло в *систему нового*, обладающую несомненным ценностным содержанием. Невозможно говорить о том, как это можно сделать — это нужно проектировать и обсуждать проекты.

Проблема ситуации заключается не только в неразвитости исторического сознания, но и в отсутствии проектных школ, способных видеть и понимать профессиональную задачу во всей сложности её одновременного существования. Проблема в популярности нетерпимо-оскорбительного отношения к «невеждам» и непонимании того, что педагогика в культуре — дело, требующее величайшего такта. Назвать разрушителя хамом, пренебрежителя — варваром легко, безопасно и вдобавок возвышенно; найти ход к преобразению ценностного фонда в мышлении миллионов людей трудно, для этого сначала нужно переделать собственное мышление. А ведь до сих пор простая мысль, что памятник это не только предмет, но и комплекс сложнейших отношений к этому предмету вызывает нередко чувство оскорбления в лучших чувствах со стороны людей, по-своему искренне стремящихся к решению той же задачи.

Никто, кроме людей, думающих об охране памятников, не может переосмыслить, от кого охранять и что охранять. Никто, кроме проектировщиков, не может переосмыслить тактику проектирования и перейти (по крайней мере в методе) от решения компромиссных задач к решению задач, обладающих внутренней конфликтностью.

Всякому рассуждению полагаются выводы, но в интересующей нас проблеме выводы делаются не на бумаге — здесь считается только то слово, которое становится делом.